

П О Э М А,

П Р И Т Ч И.

Графа Дмитрія Хвостова.

М О С К В А , 1807.

Въ Типографіи Дубровина и Мерзлякова.

**Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для
Округа Императорскаго Московскаго Университета.**

П О Э М А,

П Р И Т Ч И.

Досшойно славимый Французскихъ странъ Пи-
сатель, сашель,
Другъ звучной плавности и вкуса прорицашель,
Въ Парижѣ сочинилъ Науку о стихахъ,
Въ которой помѣстилъ въ затѣйливыхъ словахъ
Полезныхъ множество для Спихотворства пра-
вилъ, вилъ,
И всѣ почти рода другъ за другомъ представилъ.
Писатель Эпиграммъ, Эпической творецъ
Равно находящъ въ ней урокъ и образецъ.

Что Аристотель, Флаккъ и Вида говорили,
Устами Боало то Музы повшорили.
Сухаго букваря безплодныя страны
Въ прекрасный у него цвѣтникъ превращены.
Спуска столбше, я правила Французски
Стихами перевестъ (1) дерзаю вновь по Руски;
Съ бессмертнымъ образцомъ равняшся не спре-
млюсь, млюсь,
Однимъ усердіемъ къ Словесности хвалюсь.
Законодатель сей среди прекрасныхъ правилъ
О Прищѣ по грѣхамъ ни слова не оставилъ (2),
Что множество ему упрековъ принесло.

Поправь свою вину, бессмертный Боало!

Вдохни мнѣ острую мысль, пристойно, крошко сло-
во,
Чтобъ Прищечей правило всѣмъ показалось ново.
Поэтовъ образецъ! скажи теперь мнѣ ты,
Какія въ Прищечу внесешь по потребности красоты?
Какъ долженъ въ нихъ Пѣвецъ осмѣивать по-
роки?
Какъ басней подслащать невкусные уроки?
Какъ пустословіе нелѣпо удалить?
Какъ разговорами простыми веселишь?
Театра малаго разпространя границы,
Учишь вселенную, взявъ разнообразны лица?
Скажи что ты забылъ, прибавишь по хочу,
Исполненъ ревности, на Геликонѣ лечу.

Востокъ есть колыбель для всѣхъ иноска-
заній.

Тамъ люди подъ ярмомъ неволи и спраданій,
Когда неисповы шираны угнели,
Языкъ о дву лицахъ для истинны нашли.
Робѣя въявь опмщашъ заржавленнымъ кинжаломъ,
Трубили правду въ слухъ подъ басни покрыва-
ломъ.
На помощь приглася пернатыхъ и звѣрей,
Велѣли имъ учишь Вельможей и Царей,
И разумъ и языкъ потчасъ имъ подарили:
Что люди думали, то звѣри говорили.
Обиленъ Прищчами всегда восточный край:
Тамъ славны паче всѣхъ и Локманъ (3) и Бид-
пай (4).

Езопъ (5) во Греціи, за правду ратоборецъ,
Иносказательный былъ первый Спихотворецъ.
Одно подобіе разительнымъ являлъ,
Стороннія въ него прикрасы не мѣшалъ.
Безсмертны по тому его всѣ небылицы,
Что ты самъ видишь льва и слышишь рѣчь
лисицы,
По честности, уму, обрѣлъ почтенье онъ :
Его любили Крезъ, Поэтовъ врагъ Платонъ.
Спалъ славенъ краскоспью и доброю правилъ,
Нравоученіе всегда у Припчей спавилъ.

Федръ (6), волей одолженъ бывъ Августу
рукъ,
Езопу подражалъ на Римскомъ языкѣ.
Не столько, какъ Езопъ, онъ красокъ былъ и
силенъ,
Но плавленъ, нѣженъ, чистъ, и мыслями обиленъ.
Иное вмѣшивалъ прелестныя цвѣты,
А рода припченна прямыя красоты.
Прилично свойство лицъ и истинность завязки
Умѣлъ всегда хранишь среди просшыя сказки.
Случилось съ нимъ, какъ що не рѣдко на земли,
Что нѣсколько вѣковъ лежа зарытъ въ пыли,
Онъ вновь сподобился пріятныя свободы;
Вѣнчали даръ его хвалою всѣ народы.
Спрожайшіе судьи безсмертной Федра прудъ
Поднесъ сокровищемъ въ среднемъ родѣ чшущъ,
И думаютъ, что онъ въ разсказахъ столько
завенъ,

Что въ Августовы дни никто съ нимъ не былъ
равенъ,

Завязки истинность (7) главнѣйше дѣла
есть,

Творецъ! старайся все къ единой цѣли свесить.
Чтобы твоя была завязка вмигъ понятна,
Нравоучительна, зашѣлива, пріятна.
Какъ роды всѣхъ стиховъ, и Припѣча такъ равно
Имѣетъ дѣйствіе и мѣсто дѣйствія одно.
Поэму малую она легко составитъ
И разговоръ межъ лицъ и дѣйствія представитъ.
Повѣствовательно подъ видомъ небылицъ
Иносказательныхъ приводитъ много лицъ,
Которыя людей всечасно поучаютъ,
И свойство каждому природно сохраняютъ.
Въ Поэмѣ таковой свирѣпый волкъ — Неронъ,
Лисица — то Нарциссъ, а Вишнякъ — левъ и слонъ,
Писатель ежели искусно сладитъ часпи,
Вниманье привлечетъ, разбудитъ спяща спроси,
Подобіемъ разитъ, связь согласитъ узловъ
Съ пошюкомъ сладостнымъ прекраснѣйшихъ сти-
ховъ:
Тогда-то пользу онъ съ забавою приноситъ;
Тогда Омиромъ спалъ и лавръ не щепно про-
ситъ.

Нравоученіе (8) гдѣ хочешь ты включай,
Въ началѣ иль концѣ, какъ есть къ тому случай;
Но можешь и совсѣмъ его, творецъ, оставишь,
Когда умѣлъ хитро свой узелокъ составишь.
Для наставленія не трачь напрасныхъ стиховъ:

Знай, само по себѣ подобіе урокъ.

Намѣ въ Федрѣ кажетъ волкъ — вельможества,
насилъность,
Ягненокъ напрошивъ — тѣснимую невинность.

Ты пущословія (9) прилѣжно избѣгай,
И остраго слова за диво не счидай;
Ослу въ ротъ не вложи разумны разговоры,
Ни филину, совѣ не дай прекрасны взоры (10);
Смотри, чѣмъ выходилъ изъ Припчи намѣ
урокъ (11),
Вѣнчалась истинна, осмѣянъ былъ порокъ.
Угодно ли? — рисуй, разсыпь пожалуй краски;
Составу не вреди ни Припчи ты, ни сказки.
Иносказаніе — злешое Припчѣ руно,
Пусть будетъ оно всегда соблюдено.
Рисуй, какъ Ла-Фоншенъ дубъ въ Припчѣ пред-
ставляетъ,
Отъ ада до небесъ онъ росъ его являетъ;
Когда у пѣшуха горитъ отъ страха кровь,
Прибавишь, что Пергамъ разрушила любовь.
Вѣнчъ шелковы слова для угожденья лести,
И кусомъ Королей зовешъ оправу мести (12).
Чудесный Ла-Фоншенъ (13), Поэтъ и Философъ,
Хотя и не умѣлъ двухъ къ спашъ молвить
словъ;
Но Припчу ли прочтешъ, иль Сказочку расска-
жешъ,
И сердцемъ и умомъ читателей привяжетъ.
Пусть Федра менѣе о крашкости рачилъ (14);

Пусть Припчу съ Сказкою (15) въ одинъ чередъ
пустилъ;

Прикрасы расшочалъ пригоршнями и разомъ :
Однако всѣхъ умѣлъ обворожить разговоръ,
Невинность, простота, свободный разговоръ,
Зашѣливая мысль, различностей соборъ,
Безъ умысла, въ стихахъ сіяющъ повсечасно;
Все льется у него естественнo, согласно;
Все испинной дышитъ, нигдѣ запинки нѣтъ;
Все Музы говорящъ, молчитъ одинъ Поэтъ.

Средь милыхъ вымысловъ употреби искусство
спво.

Пожалуй украшай и мысль свою и чувство;
Однако не забудь Писатель Припчѣ о томъ,
Что долженъ насъ учить ты подъ чужимъ
лицомъ.
Шути и забавляй, рѣзвись съ звѣрями смѣло;
А наставленіе — швое прямое дѣло,
Которое умѣй искусно такъ сокрыть,
Чтобы всѣ думали, что ты хотѣлъ смѣшнить.
Не будь высокъ, надущъ, но простъ и благороденъ;
Безъ всякой низости зашѣливъ и свободенъ.
Знай, въ каждомъ родѣ есть ему прилична сѣнь:
Безъ солнца иногда пріятенъ лѣшній день.
Ты въ Припчѣ никогда, Писатель межъ звѣ-
рями,
Не щеголай умомъ, ни хитрыми словами.
Изъ обстоятельствъ лицъ всѣ краски почерпни;

Сухой, тяжелой стихъ, какъ зло искорени.
Смотри, чтобъ все шекло разнообразно, плавно:
Тогда и безъ прикрасъ шворенье будешь славно.
Ламошъ (16) сто Пришчей вновь усердно пода-
рилъ,
Которыя умомъ холоднымъ начинилъ,
Однако шбмъ себя ни мало не прославилъ.
Пускай де Ла-Фоншенъ чужое все представилъ,
Но въ вымыслъ чужомъ онъ былъ всегда шво-
рецъ,
И будешь славимый въ потомствѣ образецъ.

Среди прекрасныхъ мѣстъ находятъ бездну
Музы.

Знай, подражаніе есть голова Медузы:
Она подбйспивуешъ легко надъ шбмъ пѣвцомъ,
Который богашишъ себя чужимъ умомъ.
Спашейку милую безъ смысла выбираешъ,
Въ горнилъ разума и чувствъ не сотворяешъ;
А шолько поймавъ словечко лишь одно,
Кладешъ, хошя совсѣмъ не къ сташъ шупъ оно.
Что само по себѣ прелесно и прекрасно,
То вновь переродишь и украшаешь опасно.
Намъ въ подражаніи есть славнѣйшій примѣръ:
Виргилій, Федръ, Расинъ, Фоншенъ и Молиеръ.
Они чужую мысль не рѣдко говорили,
Но образцовъ своихъ едва ль не помрачили.
Ты содержанію и мыслямъ подражай.
Угодно? — стихъ чужой въ свои стихи мѣшай;
Лишь сдѣлай это такъ искусно и свободно,

Чтобъ самому тебѣ казалось то природно;
Чтобъ видѣли тебя, чтобъ всякой заключалъ,
Что, позже бывъ рожденъ, тебя бы Федръ об-
кралъ.

Чужаго разума во всѣхъ родахъ сіянье
Не можешь приносишь ни лавръ, ни дарованье;
А паче въ Басенкѣ, гдѣ съ милой простотой
Не лзя согласовать и даръ и духъ чужой.

Нѣтъ нужды въ Припчяхъ намъ искашь
чужихъ уроковъ:
Довольно кажешь ихъ по Руски Сумороковъ.
Оселъ его — гордецъ (17), а волкъ его — нахалъ,
Шушливой, легкой слогъ всѣ Басенки вѣнчалъ.

Хемницеръ (18) простотой своей меня прель-
щаетъ,
И сокрушеніе усердно исторгаетъ.
Хоть рокъ успѣлъ его безвременно скосишь,
Однако въ Басенкахъ онъ будетъ долго житьъ.

Языкъ прекраснѣйшій, который мы имѣемъ,
Свободенъ ко всему, коль имъ владѣть умѣемъ.
Онъ въ плавной легкости бышь можешь обра-
зецъ,
Что ясно доказалъ намъ Душеньки творецъ.

Любезна простота есть въ Припчѣ прево-
сходство.
Заславъ меня забыть искусно спихотворство;

Увѣрь, что зѣри всѣ передъ моимъ крыльцомъ;
Что вижу въявь то, что пишешь ты перомъ.
Ты мысли выбирай пріятны и игривы,
Слова не подлая, но милы и шушлівы;
Разсудокъ соблюди и въ Припчѣ и рѣчахъ,
Не вздумай по небу кашаться на ослахъ.

Вамъ, Феды Рускіе, открыто славы поле,
Вѣнцы пріобрѣтать зависитъ въ вашей волѣ.
Пріятной выдумкой и прелестью стиховъ
Заспавъше позабышь всѣхъ прищечныхъ пвор-
цовъ,
Которые поднесъ Европу удивляютъ,
И честь опеческву и роду составляютъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

К Ъ П О Э М Ъ П Р И Т Ч И.

(1) Наука о стихотворствѣ Г. Боало Делпро, предложенная при колыбели Парнасса нашего стихами извѣстнымъ того времени Любословомъ, покойнымъ Васильемъ Кириловичемъ Тредьяковскимъ, нынѣ мною вновь переведена и скоро напечатана будетъ. Выпуская переводъ сей книги, признаюся, что онъ въ сравненіи съ подлинникомъ недоспапочень; но чѣмъ болѣе переводовъ классическаго творенія, тѣмъ болѣе для словесности пользы; ибо чрезъ то открываеиша богаишво языковъ, и по мѣрѣ дара болѣе или менѣе сила творческаго воображенія съ тою же зашѣйливостію и красою выраженія, каковы въ подлинникѣ, ежели онѣ собразны съ корнемъ языка, на которой прелагаюиша; и что наконецъ, можетъ быти, какой либо переводчикъ достигнетъ выразити достойно духъ и красоты Сочинителя. — На Французскомъ языкѣ находима по два, по три и по чешыре перевода всѣхъ

классическихъ Стихотворцевъ, и хотя они не высоко цѣнятся; однако, по мѣрѣ достоинства каждаго, получаютъ справедливоспъ въ разсужденіи пользы для молодыхъ писателей къ познанію древнихъ Прэповъ.

(2) Слава Г. Боало Детро послѣ его смерти подвержена была, какъ извѣстно, многимъ превращеніямъ. Нѣкоторые Любословы не признавали его за Поэта и пѣняли за скудоспъ воображенія; иные замѣчали недоспашки въ правильности языка и стоположенія: но всѣ единогласно порицали за то, что онъ, выдавая Науку о стихахъ, предаль забвенію цѣлый въ стихотворствѣ родъ *Притти*, и приписывали сіе по большей части невниманію его о Ла Фоншенѣ. Г. Ла Гарпъ въ Лицеѣ своемъ, къ чеспи и защищенію Г. Боало, старается, сколько возможно, опровергнуть вышесписанные нападки; но наконецъ признается, что молчаніе Г. Боало въ Наукѣ стихотворной о Припчяхъ и о Ла-Фоншенѣ не извинительно.

(3) Локманъ, славный Египтскій мудрецъ въ древности, почиаемый отъ мно-

гихъ изобрѣшателемъ *Притчей*, жилъ во времена Соломоновы, и слылъ весьма богобоязненнымъ, мудрымъ и честнымъ человекомъ. Вопрошающимъ его: *У кого изутися премудрости?* отвѣпсывовалъ: *У слѣпыхъ; ибо слѣпой слерса ошулаетъ землю, а потомъ потеряетъ ногу.* Сказанія о немъ весьма сходствуюшъ съ повѣстью о Езопѣ, и опъ того многіе заключаюшъ, что Локманъ и Езопъ одно лице.

(4) Бидпай или Пильпай, древній Индѣйскій Браминъ и Философъ, наперсникъ и Совѣтникъ Дабсхелима, Царя Индѣйскаго. — Онъ обучалъ сего Государя нравспвенности, рассказывая ему приличныя *Притчи*, и шѣмъ сдѣлалъ имя свое безсмертнымъ.

(5) Езопъ родомъ Фригіецъ, рабъ Философовъ Ксантуса и Идмона, былъ въ великомъ уваженіи по остроумію своего разума и изящности своихъ *Притчей* у Креза Царя Лидійскаго и у многихъ знаменитыхъ современниковъ. Онъ въ Греціи послѣ Гезіода, изобрѣшательнаго рода, почишался древнѣйшимъ *Притчешворцемъ*.

(6) Федръ, Эракійской уроженецъ и оппущенникъ Августовъ, въ царствованіе имперіи писалъ *Притчи* Ямбическими стихами, и былъ гонимъ опъ Сеяна, любимца сего Государя, за язвительныя слова на порокъ. Пяшь книгъ его *Притчей*, называемыя имъ *Езоповскими*, предали имя его безсмертію. Древность ничего не имѣетъ въ среднемъ родѣ подобнаго въ сравненіи съ Федровыми Припчами. Онѣ до XV столѣтія были погребены; но Францискъ Пишу, исхитя изъ книгохранилища Реймскаго, возвратилъ ихъ свѣту. — Федръ въ Припчахъ своихъ славенъ краткостію, опличною плавностію, выборомъ словъ, удачнымъ склоненіемъ рѣчи и легкостію, съ какою ученики его зашверживающъ.

(7) Вѣроподобіе, наблюдаемое Сочинителемъ въ завязкѣ Припчи, есть одно изъ главнѣйшихъ ея достоинствъ. Когда свой узелокъ хорошо связанъ, то уже, такъ сказать, наспоющее дѣло сдѣлано. И потому нужно, чпобы всѣ обстоятельства, изъ коихъ вытекаетъ свое нравоученіе, смыкались одно съ другимъ, такъ чпобы читатель не могъ сдѣлать тебѣ ника-

кого возраженія прошивъ вѣроподобности твоей повѣсти. Примѣры тому во многихъ Припчяхъ, хорошо составленныхъ, какъ то: *Дубъ и Трость; Волкъ и Ягненокъ; два Голубка* и проч. Однако сію послѣднюю порицають за недоспапѣкъ въ единствѣ дѣйствія; ибо не извѣстно, къ какому голубку Сочинитель хотѣлъ обратишь вниманіе, къ спранспвоващелю или домохѣду.

(8) Езопъ спавиль нравоученіе всегда на концѣ, и въ оному былъ болѣе плодовишь, нежели въ самой Припчѣ, которая у него есть примѣръ удивительной крайности. Федръ, Ла-Фонпенъ и его послѣдователи полагали оно и въ началѣ и на концѣ; а нѣкоторые и совсѣмъ исключили, но въ такомъ только случаѣ, ежели оно въ повѣсти и подобіяхъ такъ разительна, что предлагаемая истина сама собою безъ всякаго исполкованія открываешся. — Ежели нравоученіе въ началѣ, то наблюдать должно, чтобы вся Припча ни въ чемъ уже не отступала отъ предложенной истины. Примѣръ тому прекрасная Припча Г. Хемницера, *Орлы:*

„Въ началѣ всяко дѣло строга“ и проч.

(9) Пустословіе есть Харибда для всѣхъ родовъ Поэзіи, а паче для Припчей. Наспавляй и забавляй, не вмѣшивая посторонняго вишійства. Мнѣ шолько надобно знать послѣдствіе того произшествія, которое ты началъ рассказывать, и почерпнуть изъ онаго нравоученіе. Не у мѣста зашѣя и острое слово опредѣляютъ меня отъ дѣйствующихъ лицъ. Сочинитель въ Припчѣ долженъ быть за кулисами, а гораздо лучше, ежели его и шамъ нѣтъ.— Онъ можетъ умничать, какъ хочешь, въ обществѣ своихъ пріятелей.

(10) Сіе есть общее правило для всѣхъ драматическихъ лицъ, но въ особенності принадлежитъ Припчѣ; попому что отъ самой древности приданы звѣрямъ такія свойства, коихъ Сочинитель переменяетъ не долженъ.

(11) Припча безъ наспавленія существовать не можетъ. За сіе - по самое Греческій Платонъ въ своей Республикѣ почшилъ мѣстомъ Езопа. Многихъ славнѣй-

шихъ Писателей Припчи безъ наставленія подверглись справедливому порицанію , а именно: *L'Homme entre deux âges, et ses deux Maîtresses; le Mari, la Femme et le Voleur; la Cigale et la Fourmi.* Ибо въ послѣдней Г. Волперъ замѣчаетъ, что поступокъ *Муравья* безчеловѣченъ и не представляешь нравоученія. — Прекраснѣйшая Припча Г. Ламоша, *о духѣ Воробьяхъ*, достойная, по мнѣнію Французовъ, кисти Ла-Фоншеновой, помѣщена во всѣхъ пѣишикахъ за изрядство вымысла и стиховъ, но съ такимъ осужденіемъ, что нравоученіе ея погрѣщительно.

(12) Всѣ сіи примѣры приличныя игривости или рисовки, почерпнуты изъ безсмертнаго Ла-Фоншена.

(13) Иванъ де ла Фоншень, Французъ, родился въ Шапо-Тіери 1621 года, спустя годъ послѣ Молиера, и жилъ въ царствованіе Людовика XIV, но не пользовался милостями сего Государя. Съ природы былъ безпечень, задумчивъ, неловокъ, въ рѣчахъ нескладенъ, нравомъ крошкоть, просподушенъ и весьма легковѣренъ. Въ

юности своей обучался худо, и будучи 22 лѣтъ, не зналъ стихотворческаго своего дара; но выслушавъ однажды Мальгербо́ву Оду, почувствовалъ вдохновеніе Музы, и принялся самъ сочинять. — Любимые его Писатели были: Рабеле, Марошъ и Дюрфе. — Современники, можетъ быть, болѣе почитали его простымъ человекомъ, нежели великимъ Баснословцемъ; ибо не видно, чтобы при жизни воздавали ему почести. За то нынѣ Франгузы, то есть Мармоншели, Мерсіе и Лагарпы поставляютъ его на ряду со всѣми великими Писателями того времени, и всѣ единогласно заключають, что онъ далеко превзошелъ Езопа и Федра. — Безспорно, что Ла Фоншенъ былъ изъ первыхъ въ свѣтѣ Стихотворцевъ; у него не только цѣлая Припча, но каждая строка отличаетъя свободностію духа и зашѣею ума. Однако сами Франгузы отдають Феду, какъ *Притворцу*, полную справедливостъ; а доспойно хвалимаго Ла-Фоншена укоряють за плодовитостъ и нечислоту слога.

(14) Ла - Фоншенъ въ Припчахъ рассыпалъ иногда лишнія прикрасы, и былъ

много плодовишь. Слѣдующіе стихи въ
Припчѣ *Русей* и *Рѣка* служатъ тому
доказательствомъ:

Point de bords escarpés, un sable pur et net.

Il entre; et son cheval le met

A couvert des voleurs, mais non de l'onde noire :

Tous deux au Styx allerent boire;

Tous deux à nager malheureux

Allerent traverser, au séjour ténébreux,

Bien d'autres fleuves que les nôtres.

Они стихотворны, прекрасны, но послѣдніе четыре стиха совсѣмъ лишніе; ибо повѣсть прѣмъ первыми кончилась. — Такая плодовишость происходитъ отъ того, что Г. Ла-Фоншень, будучи великій Стихотворецъ, предавался безъ разбору часно пылкости своего воображенія.

(15) Въ числѣ *Припчей* безсмертнаго Ла-Фоншена находится множество Сказокъ. Онѣ сіе дѣлалъ по примѣру древнихъ, но у нихъ онѣя именно означены и въ меньшемъ количествѣ. Нынѣ Сказки и Припчи, а паче со временъ Ла-Фоншеновыхъ приемятся

за одно, и не пребуешся никакой иносказательности, а только чтобы повесть была замысловатая, и можно было вывести из нея нравоучительное заключение, слогъ же чистой и легкой. Нѣмецкіе Припчетворцы по большей части писали Сказки, подъ названіемъ *Притчи или Басни*, изъ коихъ инья только что Эпиграммы. — Можетъ быть, эта причина заставила Г. Хемницера, почерпнувшаго содержанія свои большею частью изъ Нѣмецкихъ Писателей, выдать сочиненіе свое, подъ названіемъ: *Басни и Сказки*. Однако не оспори́мо то, что Припчи есть родъ самостоятельный, имѣющій собственную значимость. — Древніе такъ располагали свои Припчи, что соблюдая существо иносказанія, изъ самаго подобія выводили урокъ; но въ послѣдствіи времени ошъ роду иносказательнаго, имѣющаго собственное образование, мало по малу опспуплено. Не говоря о шуточныхъ *Сказкахъ* Г. Ла-Фонтена, изданныхъ въ двухъ Томахъ, подъ названіемъ *Contes*, за которые онъ приносилъ покаяніе, и кои, хотя сладко писаны, служатъ въ самомъ дѣлѣ къ расплѣнію нравовъ, различаю шу только Сказку ошъ

Пришчи, которая выпускается въ свѣтъ подь вивѣскою иносказательнаго рода. — Нѣтъ, кажется, нужды опредѣлять, что такое Пришча. Извѣстно, что она есть наставленіе (moralité), извлекаемое изъ повѣсти о приключеніяхъ живописныхъ, птицъ, рыбъ, насекомыхъ, деревьевъ и всѣхъ безсловесныхъ существъ, и что подобіемъ своимъ дѣлаешь гнуснымъ порокъ и возвеличиваетъ добродѣтель. — Сочинитель Пришчи для наставленія обязанъ въ самой точности сохранить въ подобіи то свойство, которое въ природѣ находится. Онъ долженъ такъ искусно сдѣлать всѣ обстоятельство повѣсти, чтобы я совершенно повѣрилъ его вымыслу, и заключилъ, что оно бытіе. И такъ Писатель оныя необходимо долженъ погрузить свое перо въ совершенную естественность и простоту; ибо описываетъ приключенія и вещи самыя обыкновенныя. — Пришча, какъ говоритъ Г. Башё, есть маленькая Поэма, или Трагедія. Переменни имена, но *Волкъ* будетъ *Неронъ*, а *Ягненокъ* *Британникъ*. — Сказка же оныхъ свойствъ и выгодъ не имѣетъ. — Въ Пришчѣ повѣстзуется дѣйствіе безсловесныхъ тварей, а Сказка опи-

сываешъ произшешвія людей. Къ первому роду относяшся: *Волкъ и Ягненокъ*; два *Голубка*; *Ворона и Лисица*; а ко второму: *Старикъ и три Юноши*; два *Друга*; *Вдоса*; *разбуртисая Несѣста*, и проч. — Сказка предспавляешъ нравоученіе свое прямымъ лицемъ, не расшворя онаго красками иносказанія; ей не дано преимуществешва показывашъ мгновенно въ разнообразности природное свойство, она говоришъ: человекъ сильной и злой; а Припчя просшо скажешъ волкъ, и погда разумѣешся, что онъ припѣснипель невинной крошоспи. — Слогъ Сказки цвѣпущъ, красивъ, но принадлежа къ роду иносказательному, долженъ сохранишъ крошкую умѣренность, и пошому выходишъ иногда не свойственъ лицамъ, кои описываешъ, и всегда почти единообразенъ; ибо онъ шолько слогъ повѣспвовательной, а не иносказательной, и что лица его, хотя разномысленныя, но одаренныя единымъ подобіемъ. — Звѣри напрошивъ всѣ разнообразны, и свойство каждаго находишся въ самомъ лицѣ; и пошому слогъ Припчи просшъ, свободенъ и ешешственъ безъ всякихъ прикрасъ; ибо въ ней лишній цвѣ-

шокъ, пустое слово — уже порокъ. Красоты ея заключающіяся въ составѣ ея и нравоученіи. Припомъ надобно, чшобы не токмо обстоятельство, но даже всѣ слова клонились къ показанію той истинны, которую Сочинитель избралъ себѣ предметомъ. Самъ Г. Ла-Фоншенъ, какъ превосходный въ свсемъ искусствѣ дѣлатель, во всѣхъ Фэдровыхъ Припчлахъ старался бытъ, сколько возможно, почень, преспѣ и крапокъ; но въ Сказкахъ разсыпаль цвѣты свободно, пошому что они сему роду болѣе свойственны. Чшобы удостовѣришья въ сей истиннѣ, сравни *Припчи* его и *Сказки*, и тогда откроешья, что слогъ шѣхъ и другихъ весьма различень. И такъ, по моему мнѣнію, Сказки въ отношеніи къ Припчамъ поже, что Драмы въ разсужденіи Трагедіи и Комедіи, хошя я самъ въ *Припчахъ* моихъ Сказки Г. Ла-Фоншена и другихъ Писателей помѣщаль подѣ однимъ названіемъ. — Скажутъ мнѣ, можешь бытъ, что въ Сказкѣ, равно какъ и въ Припчѣ, заключаешя нравоученіе. Такъ, но неизвлекаемое, какъ я показаль, изъ подобій, что прямо знаменуешъ иносказательность, но изъ приключеній обык-

новеннаго челоуѣческаго состоянія; при-
томъ оно общее всѣмъ родамъ Поэзіи.

(16) Ламошъ, Французскій Стихотво-
рецъ, жившій въ половинѣ XVIII столѣ-
тія, современникъ Вошера и Бапшиелъ
Руссо. Онъ перевелъ или передѣдалъ *Ила-
ду Омирову* въ XII Пѣсняхъ; писалъ
Оды Лиритескія и Анакреонитескія,
Олеры, Трагедіи, и выдалъ сто *Притей*,
въ коихъ содержанія всѣ имъ изобрѣшены. —
Соземцы его совершенно опшвергаюшъ въ
немъ Стихотворца; однако нѣкопорыя
его *Анакреонитескія Оды и Басни* по
сіе время уважены. Сцена дѣшей въ Тра-
гедіи *Инесъ* почишаешся ошъ знашоковъ
превосходною.

(17) „Великій Александръ шолико не гордился.“

Прекраснѣйшій стихъ, и какъ хорошо
сказанъ. Вошъ прямо Ла-Фоншеново про-
сподушіе! — Заимствование ошъ большаго
къ меньшему, уподобленіе осла къ Алек-
сандру, должно разсмѣшитъ самаго угрю-
мага читателя.

(18) Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, Коллежскій Совѣтникъ и Императорской Россійской Академіи Членъ, нѣсколько времени тому назадъ скончавшійся. — *Басни* его наполнены простотою и естественностію. Смори последнее Изданіе 1802 года.

К о н е ц ъ.